

Глава 1

*Ты меня отъищи,
Даже если сам заблудился,
Заплутал в беспросветной
ночи,
Средь сверкающих звезд
растворился.
Сделай шаг против крепких
оков,
И поверь, что я есть,
Существую,
И живу не среди зыбких снов,
Я реальна,
Я жду тебя и тоскую.*

Тихий шепот раздавался каждый раз, стоило миновать очередную стайку одноклассниц. Они вновь разбились по интересам и теперь шушукались и обсуждали очередные сплетни, впрочем, не приглашая присоединиться к ним. Привычно заняв место у стены, напротив двери в класс, я принялась изучать трещинки на деревянном полотне. На этом их было тридцать три — последнюю я сама прочертила недавно для ровного счета. Не специально, конечно, а когда отлетела от не самого дружеского толчка в спину, сопровождавшегося приглушенным хихиканьем, и процарапала эту последнюю черточку ремнем сумки. Зато наконец-то вышел заверченный рисунок, и теперь,

если слегка прищуриться и подключить воображение, все царапинки складывались в схематичное изображение крыльев, похожее на рисунок в старой тетрадке.

— Зоя, — раздался за плечом знакомый голос, и я резко обернулась.

— Привет, — уголки губ непроизвольно дрогнули, а пальцы крепче вцепились в потертый ремень сумки.

— На что смотришь? — с неизменным оттенком превосходства в мелодичном голосе спросила красавица Ирэн. Впрочем, ни этот слегка дребезжащий оттенок, ни едва заметная высокомерная складочка в уголке рта не могли испортить идеальность девушки, а потому она имела полное право смотреть свысока на такую, как я. Ведь она была настолько же совершенна, насколько я нет. Оттого ее присутствие каждый раз приводило в ужасное смятение, хотя Ирэн единственная благодаря собственной идеальности общалась со мной вполне нормально, без постоянных подколов и издевок, хотя тоже, как остальные, считала странной. Она даже не коверкала нарочно мое имя, находя особое удовольствие в том, чтобы высмеять очередную мою глупость. Когда я поступала в школу Естествознания¹, то наивно призналась в директорской, что Зоя — это, вполне вероятно, сокра-

¹ Школа Естествознания — школа при столичной гимназии Кенигхэма. Научно-исследовательское учреждение, выдающее официальный документ об окончании высшего учебного заведения. Принимает учеников с момента достижения ими совершеннолетия. Специализируется на изучении природного сообщества государства Кенигхэм. В учебную программу входит также изучение чудовищ.

щенная форма от Зояна и Зоира, а может, Зоэна, Зоура или даже Зорна. В записке, приколотой к короткому платьицу оставленной у дверей приюта девочки, почерк был настолько коряв и неразборчив, что даже воспитательницы детского учреждения терялись в догадках, как меня зовут на самом деле. Отчетливо просматривались только две первые и последняя буквы. Я же помнила лишь короткое Зоя.

— Это правда, что Трен пригласил тебя на свидание?

Когда я ужасно покраснела и промямлила нечто неразборчивое, девушка удовлетворенно кивнула.

— Значит, правда. Полагаю, это из-за... — она на секунду запнулась, а затем продолжила излагать в более мягкой форме: — по причине твоих успехов в учебе.

Я кивнула в ответ и негромко вздохнула. Пускай все считали меня ужасно странной, заодно приписывая непомерную глупость, я видела и понимала многие вещи, часть из которых попросту видеть не хотелось. Оттого и придумывала им другие, не столь уродливые формы, переворачивала и меняла, чтобы хоть таким образом принять неприглядную истину. А если исходить из реального положения дел, Трен пригласил меня на свидание, потому что арис¹ Нейтон мне благоволил. Учитель обмолвился, будто выберет меня в свою экспедиционную группу для поездки в пустыни. Выезд планировали через месяц в оазис Альберга, арис хотел собрать как можно больше информации

¹ А р и с — учитель, преподаватель. Уважительное обращение к учителю.

о чудовищах, а Трен искренне считал, что ему непременно доведется участвовать в настоящей схватке, и тогда он привезет голову одного из самых страшных чудищ в качестве трофея. Вероятно, полагал, я уговорю учителя, чтобы выбрал и Трена в состав экспедиции. Однако даже понимая это, я разволновалась при мысли, что встречу с парнем, о котором мечтают почти все девчонки группы.

— Хочешь, — она выразительным взглядом окинула мою цветастую юбку и вытянутую на локтях зеленую вязаную кофту, — помогу тебе собраться?

Вероятно, по доброте душевной Ирэн собиралась предложить что-то из своей одежды, но я всегда с трудом переносила благотворительность, а потому яростно замотала головой:

— Нет, нет, спасибо. У меня есть... платье.

Девушка выразительно изогнула идеальные темные брови, но не стала переубеждать, вновь проследив за моим взглядом.

— Что ты видишь на двери? Так внимательно смотришь.

— Крылья, — сорвалось с языка.

— Опять, — Ирэн позволила себе лишь чуть-чуть усмехнуться. — Тебе везде мерещатся крылья. У тебя вся тетрадка ими разрисована, всевозможные схемы этих самых крыльев.

— Просто они все такие разные и красивые.

Мою старую тетрадку времен приюта рассмотрел, кажется, каждый в нашей группе, когда один из одноклассников стащил ее со стола. На рисунках были в

основном крылья, начиная от самых неумелых ко-
ржавых зарисовок испуганной девочки, верящей в за-
щитников¹, один из которых непременно появится
однажды у дверей приюта и вызовет ее оттуда. По-
том они становились все более и более изящными,
совершенствуясь вместе с даром художника. Местами
на страницах виднелись подпалины или дырки, над-
орванные верхушки и уголки, но даже одноклассники
не смогли вырвать из тетради страницы. Однажды
от страха за эту вещь, что была для меня волшебным
талисманом, хранящим от несчастий даже в суровых
приютских условиях, я вырвала тетрадь из рук жесто-
кого мальчишки и непонятным образом зачаровала
так, что никто теперь не мог нанести ей непоправи-
мый вред.

Над нашими головами мелодично и громко зазвучал колокольчик, а дверь в класс сама собой распахнулась.

— Пора на урок, — кивнула на вход Ирэн.

¹ *Защитники* — особая раса сверхлюдей, обладающих превосходящей физической силой, скоростью реакции и другими не свойственными людям способностями. Среди защитников выделяются Истинные — представители древнейшей крови, наделенные возможностью к трансформации: управлению очищающим огнем и огненными крыльями, также есть обычные представители, рожденные от браков с людьми и обладающие всеми перечисленными способностями в меньшей мере, а также лишенные возможности летать. Защитники способны считывать негативные эмоции людей, поэтому их отличает наличие прочного эмоционального щита, притупляющего или подавляющего чувства. Призваны в Кенигхэм защищать людей от монстров и чудовищ и с тех пор выполняют свое предназначение.

— Итак, ученики, — арис Нейтон пожевал губами и почесал кончик носа, — занятие подошло к концу, потому напомню, что оазис Альберга одобрил наш запрос о проведении экспедиции.

Мужчина достал бумажку и помахал ею в воздухе. Лист выглядел так, словно его от счастья сперва прижали к груди, а затем не отнимали больше, так и храня возле сердца и изрядно помяв в процессе.

— Здесь стоит подпись самого энсгара¹, чье слово в Альберге имеет решающее значение, а значит, нам предоставят возможность исследовать пустыню и дадут сопровождение. По этой причине я могу выбрать только самых одаренных учеников. А еще собираюсь назначить заместителя, который подменит меня при случае.

Он вынул из ящика еще одну бумажку и, как и предыдущей, помахал ею в воздухе.

— Я составил предварительный список.

Все принялись вытягивать головы, пытаясь рассмотреть слова, написанные мелким почерком, а ученики с задних рядов едва не завалились на впереди сидящих, в кои-то веки жалея, что забрались на галерку.

¹ Энсгар — звание для обладателей особой метки и необычайных знаний и умений в сфере медицины. Этим людям присуще уникальное и чрезвычайно редкое внутреннее зрение, которое позволяет увидеть болезнь, найти повреждения без диагностики, без каких-либо дополнительных приборов. Энсгар умеет устранять последствия многих опасных для человека происшествий, что дает шанс избежать смертельного исхода.

— Так, здесь у меня... ммм, хм, ага, и вот этот, и этот, и потом замена, да... Итак, заместителем назначаю Зою.

Кажется, кто-то все-таки упал там, на заднем ряду. Трен, сидевший на два стола выше чуть наискосок, бросил на меня столь выразительный взгляд, что я невольно принялась приглаживать волосы и поправлять ворот кофты. Черные глаза блеснули, а губы растянулись в дразнящей улыбке, и у меня сердце скакнуло к горлу. Из девчонок многие закатили глаза и покрутили пальцем у виска, намекая, что наш необычный и весьма увлеченный собственным предметом руководитель недалеко ушел от замены по умственному развитию, ибо в твердой памяти назначить такую, как я, на собственное место мог только не одаренный логикой человек.

— Зоя? — Учитель оторвал взгляд от листка и принялся разыскивать мое лицо среди остальных, хотя я, как обычно, сидела практически перед ним. — А, вот ты.

Он ткнул пальцем в начало списка и сунул его мне под нос, а затем принялся говорить, как если бы мы просто столкнулись в коридоре школы и принялись в очередной раз обсуждать наш грандиозный проект.

— Зоя, ты уникальна. Твой дар редкий. Пока я не встречал человека, способного при одном взгляде на предмет воспроизвести его с поразительной точностью. Вместе мы создадим превосходную книгу, опишем каждое чудовище, сотворим уникальное учебное пособие с точными иллюстрациями, которое пригодится сотням, тысячам учеников!

— Арис Нейтон, а если вашу замену вдруг съедят, кто тогда заменит ее? В пустынях разное бывает, а чудовища такие голодные, — прервал учителя едкий голосок, вслед за которым раздался взрыв хохота.

— Это как — съедят? — возмутился Нейтон, обрывая смех. — Вы сами поняли, что сказали? Съедят моего главного иллюстратора? Тогда мы все не поедем в пустыни! Или думаете, будто можно организовать экспедицию, а потом не собрать материал для книги? Или думаете, что кто-то еще способен один раз взглянуть на чудовище, а затем его нарисовать? Или предполагаете, будто сами сможете приблизиться к монстру настолько, что он даст себя рассмотреть в деталях и запомнить?

Все замолчали от греха подальше, позволяя арису выпустить пар. Наш рассеянный и добродушный учитель редко выходил из себя, вечно пребывая в собственных мыслях, но зацепи его за живое — и пожалеешь, что вообще открыл рот. В данный момент камнем преткновения стала моя персона, и я уже чувствовала сверлящие спину недобрые взгляды, а арис использовал все последующее время до звонка, рассуждая о сложностях изучения чудовищ, включая и ту, которая не позволяла исследовать уже неживых — многие из страшных созданий после гибели попросту рассыпались пеплом.

За дверь я выскочила едва ли не первой, меня опередила только Ирэн, поспешно покинувшая класс, что ей было определено несвойственно. Однако ни удивиться этому, ни быстро сбежать самой и укрыться в укромном закутке у окна в дальнем коридоре мне

не удалось. Чья-то рука ухватила за вытянутый рукав кофты и потянула назад с такой силой, что ткань сползла, оголив плечо. Я резко развернулась, когда уже другая рука обхватила за талию и крутанула меня к стене. Оказавшись между двух широко расставленных мужских ладоней, удобно легших на каменную кладку рядом с моими плечами и перекрывших путь к побегу с обеих сторон, я непроизвольно затаила дыхание.

Робко бросив взгляд поверх этих крепких ручищ на раздраженных девчонок неподалеку, я перевела взгляд на довольное лицо Трена. Он же оглянулся через плечо и с намеком спросил:

— Какие-то проблемы?

Одна из заводил, с досадой прикусив губу, ответила:

— Что ты, Трен, вообще никаких.

Парень усмехнулся и с вызовом бросил:

— Так не мешайте разговаривать, — и вновь повернулся ко мне, пока я провожала взглядом уходящих одногруппниц.

— Зои, — Трен тоже предпочитал менять мое имя, тягуче произнося последнюю букву, словно каждый раз интересовался: «И-и-и? И как будем на меня реагировать?» Я среагировала как обычно — сердце заколотилось, и в горле пересохло. — Зои, — повторил парень, аккуратно возвращая на место вязаную ткань и слегка коснувшись обнаженной кожи. Мурашки пробежали по руке, а я непроизвольно сжалась, втянув голову в плечи, — скажи, а в том списке было мое имя?

Арис Нейтон столь увлекся повествованием о чудовищах, что единственной, увидевшей себя среди участников экспедиции, оказалась я. Однако волнение тогда было столь сильно, что других имен попросту не прочитала.

— Не знаю, Трен.

— В смысле?

— Я не рассмотрела.

— Ты не рассмотрела? — он недоверчиво хмыкнул и убрал со стены одну руку, запустив пальцы в мою густую слегка лохматую шевелюру. Заставив поднять опущенную голову, он посмотрел мне прямо в глаза. — То есть всякие мелкие ненужные детали ты можешь схватывать с первого взгляда, запоминать буквально на лету, чтобы потом зарисовать, а имена запомнить не в состоянии?

Я была способна нарисовать Трена прямо сейчас таким, каким он предстал передо мной: харизматичный, уверенный в себе, сильный, с темными-темными блестящими глазами, носом с горбинкой, волнистой почти черной прядью над низким лбом и бровями взлет, но вспомнить, было ли его имя в списке, не могла. Мне оставалось лишь кивнуть.

— Думаю, арис Нейтон сейчас повесит его на доску, чтобы все могли прочитать.

И действительно, из класса вышел учитель, держа в руках вожделенный листок, и направился прочь.

Трен мгновенно отлепился от стены, выпутал пальцы из моих волос и последовал за преподавателем. Я же слегка перевела дух и воспользовалась моментом, чтобы сбежать наконец в свой укромный

уголок, где тишина позволила бы переварить последние новости, пока не прозвучит сигнал к послеобеденному чаю.

Однако меня ожидало большое разочарование. Кто-то уже занял мое укрытие. Впереди раздавались голоса, заставившие замереть на полпути. Особенно поразил громкий голос Ирэн, которая почти никогда не повышала тона.

— Я сама отлично справлюсь, Арриен! Твою бывшую невесту не нужно сопровождать в Альбергу. Не понимаю, что за странная идея пришла родителям в голову? Список утвердили сегодня, вдруг меня в нем даже нет? А ты сам разве забыл о расторгнутой помолвке? С какой стати опекаешь? Я вообще не хочу тебя видеть!

Подобное заявление от сдержанной идеальной Ирэн повергло в шок не меня одну, поскольку собеседник девушки тоже молчал некоторое время, а потом заговорил. Прозвучавший голос оказался не просто приятным, он странным образом обволакивал и затуманивал сознание, даря удивительное чувство неги, защищенности и покоя.

— Я собирался поехать к брату с женой. Когда обмолвился об этом твоему отцу, он упомянул про экспедицию и попросил согласовать поездку с тобой. Несложно отложить отъезд на пару недель и выехать вместе с вами.

— Нет! — рассерженной кошкой прошипела девушка. — Я запрещаю! Запрещаю! И если ты думаешь, будто ваш с отцом пересмотр договоренностей меня разозлил, то ошибаешься, ведь я терпеть тебя не могу!

О нашей помолвке уже написали журналы, а потом они же извинялись за публикацию ложной информации и неподтвержденных слухов.

— Мне удивительно сознавать, что отмена договорного брака, когда все его нюансы обсуждались исключительно посредством писем и устных сообщений, могла вызвать в тебе столько эмоций. Ирэн, мы виделись лишь раз во время семейного праздника по случаю помолвки...

— А может, этого хватило? И почему не считаешь сегодняшнюю встречу, когда тебе пришло в голову заглянуть в нашу школу, чтобы лично со мной поговорить? Это только вы, ваша странная, необычная раса не способны чувствовать! Вы холодные, вы равнодушные! Вы ужасные! За что только вами восхищаются?

— Ирэн, — в мягком голосе говорившего не прозвучало и толики ответной агрессии, — порой лучше не начинать, чем после горько раскаяться, а я не смог бы дать...

— Да! Ты не смог бы дать ничего! Поэтому убирайся! Убирайся прочь! Не смей даже заикаться о помощи! Ничего мне от тебя не нужно. И видеть не хочу!

Тишина, а затем нарушивший ее звук быстрых шагов любого здравомыслящего человека заставил бы поскорее скрыться, чтобы не выдать своего присутствия, но я сообразила только прижаться к стене, когда из-за угла вылетела раскрасневшаяся девушка и промчалась мимо, едва ли заметив меня. Зато, едва следом за ней медленно вышел высокий мужчина, мы почти столкнулись лоб в лоб. Хотя вернее будет ска-

зять, он имел все шансы встретить удар грудью, поскольку я оказалась ниже ростом.

Если незнакомец и был удивлен, обнаружив шпионку, ринувшуюся в обратном Ирэн направлении и едва не налетевшую на него, то не выдал этого. Лишь посторонился, собираясь меня пропустить, и мог бы вовсе спокойно прошествовать мимо, не обратив внимания, как это сделала одногруппница, но я сама помешала.

— Как вы могли обидеть ее? Ирэн же замечательная!

— Простите? — Он был столь поражен внезапным вмешательством незнакомого человека в личные дела, что даже остановился. Брови слегка приподнялись, едва ли в полной мере выразив всю степень его удивления. Хотя шок от общения со мной являлся обычным делом, он не мог этого знать. Я всегда поступала не так, как принято, и если люди не начинали смеяться, то предпочитали просто сторониться.

— Глупо расторгать помолвку! Где вы теперь найдете вторую идеальную девушку? — вывалив на него разом собственные умозаключения, я замолчала, поддавись чарам напавшего столбняка.

— Прошу меня извинить, — проговорил мужчина, явно желая уйти от новой неприятной сцены, но я застыла на его пути, и сперва следовало меня отодвинуть. Самой посторониться пока не приходило в голову — она была слишком поглощена осознанием полнейшего совершенства собеседника, без малейшего изъяна. Прежде идеальной я называла Ирэн, игнорируя отдельные недостатки внешности, вроде

широкого носа или достаточно массивной для хрупкого тела шеи. В этот миг, как никогда ранее, захотелось схватить альбом, тетрадь, кусочек листа и запечатлеть его образ. Мне доводилось находить красоту даже в ужасающей внешности, вроде облика тех же чудовищ, осознавая все соответствие внешнего вида и внутренней сути, а теперь перед глазами предстал их полнейший антипод. И еще прежде, чем взгляд замер на золотистой нашивке на рукаве, я поняла, кто передо мной. Люди несовершенны, идеальны только защитники.

Пальцы чуть подрагивали, когда рука потянулась вперед, чтобы обвести схематические контуры крыльев. Защитник. Первый за мою жизнь, которого увидела так близко живую. И хотя я была достаточно закалена всякого рода потрясениями, сейчас третий раз за всю жизнь от волнения подогнулись колени. Только в этот раз, в отличие от предыдущих, когда никто не думал помогать, мужчина резко подался вперед. Он не подхватил на руки, как поступают с прекрасными принцессами, не прислонил к стене, освобождая напряженные ладони от лишнего веса незнакомой и наглой девушки, просто удержал за плечи. От его рук шло тепло, а от всего облика — поразительная энергетика, разметавшая всю внутреннюю неуверенность, смятение и испуг от осознания неуместности моего поведения. И даже невзирая на его досаду, которую не могли не вызвать обвинения в глупости, он мне помог, а когда ощутил, что я снова крепко стою на ногах, отпустил, ловко подвинув в сторону:

— Прошу извинить, я тороплюсь.

И обогнул, едва задев рукавом, за который я и схватилась:

— Подождите!

Тончайшая ткань манжеты громко треснула, а мужчина снова замер, наблюдая, как кусочек дорогой вещицы повисает в моих пальцах некрасивым неровным обрывком. Защитник вскинул глаза, а я прошептала прямо в это идеальное лицо обладающего поистине железной волей существа:

— Какие они, ваши крылья?

В нашей стране самой закрытой общностью испокон веков оставались защитники, они надежно скрывали тайны своих способностей, точно так же, как и тайны собственных чувств и эмоций, никто не смел спрашивать о личном, о том, к чему доводилось прикоснуться лишь самым близким. Потому глупо было ждать ответа от мужчины, на которого я наскочила из засады подобно чудовищу, но в этот момент раздался неудержимый хохот.

За углом притаились девчонки из группы, я узнала их смех. И судорожно сжала в пальцах полуоторванный батистовый кусочек, прижав к груди вторую руку. Мужчина едва повернул голову к источнику звука, затем окинул меня быстрым взглядом.

— Очень большие, — ответил он, мягко вытянул рукав из вцепившихся пальцев, оставив клочок, и наконец сбежал от моего общества. А когда он завернул за угол и миновал веселившихся одноклассниц, в той стороне тотчас повисло благоговейное молчание.

* * *

— Слушай, Трен, главное — не переборщи. Несколько капель достаточно. Особенно эффективно, если добавить в вино. Один бокальчик, и девчонка сама набросится.

— Да понял. — Трен сжал в руке крохотный бутылек.

— Знаешь, — расплылся в улыбке собеседник, — я бы еще понял, возьмишь ты красотку Ирэн очаровать, но с этой, пф.

— Много ты понимаешь.

— А есть на что посмотреть под этими ее вязаными кофтами?

— После твоей настойки и узнаю.

— А усилий не много? Подмигнул пару раз, и дело в шляпе.

— Мне нужно наверняка. С ней же вечно непонятно, что учудит в следующий момент.

— Непредсказуемая малышка?

— Своеобразная. Я слышал, талантливые все с причудами.

— Прямо зацепила?

— Что-то есть, а главное — Нейтон меня в список не включил.

— Сочувствую.

— Девчонка его любимица. Замолвит за меня словечко, быстро переписет свой список.

— Какое коварство! Очаровать, соблазнить и воспользоваться. — Собеседник выставил ладонь, и Трен ударил о нее своей пятерней, отчего поставщик зелья даже поморщился. — Дерзай, а мне пора.

— Ага, исчезни, да держи рот на замке.

— Больно надо распространяться.

Парень в неприметной темной одежде быстро растворился в сумраке, свернув с широкой тропинки, ведущей к воротам учебного заведения, а Трен пошел в противоположную сторону, прикинув, что до свидания осталось часа два и есть время все подготовить. Опыт имелся большой, а в запасе хранились дурацкие романтические штучки вроде свечей, бокалов и даже звездного ока¹. Только явно не мешало не только вино поставить, но и чары навести, чтобы никто не заявился в неподходящий момент. Испортят его шанс на поездку в Альбергу — заставит сожрать собственные ботинки.

Трен засунул руки в карманы и, насвистывая, направился к общежитию.

От новостей и тревог этого дня к вечеру разболелась голова. Я даже не поужинала толком, едва проглотив несколько ложек рассыпчатой крупы. Устала так, что подрагивали руки.

Помяв в руках кусочек ткани, я подбросила его в воздух, и он истлел, не коснувшись пола. Даже не пожалела на него затратного заклинания. Ах, какая же досада! Как я могла повести себя так, чтобы лишиться, возможно, единственного шанса узнать о крыльях. И вечно так: сперва бросаюсь вперед во власти внутренних переживаний, а после возвращаюсь в реаль-

¹ Звездное око — прибор для наблюдения за звездами и созвездиями.

ность. В этот раз, услышав смех одноклассниц, поняла, как глупый порыв выглядел со стороны.

А ведь помимо дневного происшествия вечером ждало свидание с Треном. Трен! Первое в жизни свидание, да еще с парнем, который нравился долгое время, но стал обращать на меня внимание лишь недавно.

Платье из шкафа я доставала бережно и осторожно. Его довелось получить в день выпуска из приюта, как раз перед поступлением в школу при элитной столичной гимназии. Нашу директрису настолько поразила новость, как я прошла конкурс и поступила на бесплатное обучение, что в тот день она впервые расщедрилась на необычный подарок, поднеся этот темно-зеленый наряд из мягкой ткани словно редчайшую драгоценность. Платье село по фигуре, столь разительно отличаясь от форменных приютских нарядов и связанных мной кофт и свитеров, что я себя не узнала в зеркале. С тех пор я хранила его для особых случаев, однако, надев сейчас, вдруг ощутила, что простому крою не хватает нарядности.

Мне ужасно захотелось разбавить его чем-то ярким, и я стала рыться в одежде, надеясь подобрать нечто подходящее. Возня и попытки приодеться, чтобы в кои-то веки выглядеть привлекательно, утомили сверх меры. Присев на кровать, я приложила ладони к вискам и принялась разминать, чтобы чуточку унять головную боль. Предстояло еще соорудить из вечно распущенной шевелюры нечто более приличное, в чем я совершенно не была мастером. Прислонившись к подушке, я зажмурилась, потихоньку массируя голо-

ву, пока перед мысленным взором проносились видения сегодняшних происшествий.

Когда я вновь открыла глаза, в окно светило утреннее солнце, освещая угловатую узкую комнату. Я резко села в кровати.

— Не может быть! Быть не может!

Я проспала собственное свидание!

Если настроение может быть мрачнее тучи, то ему в самый раз составлять контраст с обещавшим яркий солнечный день утром наступившей весны. И я брела в столовую на завтрак, уныло повесив голову. Даже по сторонам не смотрела, и потому резкий рывок за руку застал врасплох.

— Доброе утро, — проговорил Трен, но таким тоном, каким можно пожелать только благополучного упокоения.

— Трен, — прошептала с раскаянием, глядя в перекошенное лицо парня. — Извини, я...

— Ты держишь меня за дурака?

— Нет...

— Что это было? Я, как идиот, прождал всю ночь!

— Послушай, пожалуйста...

— Это ты послушай или лучше посмотри!

Он еще крепче сжал мое запястье и потащил куда-то по дорожке, извивавшейся вдоль забора между нашей школой, корпусами и домами, составлявшими основную часть сооружений известной гимназии Сенаториума¹. Сад занимал крохотную часть, но оформлялся лучшими знатоками своего дела, по-

¹ Сенаториум — столица государства Кенигхэм.

скольку примыкал к искусственно высаженной роще гимназии. Потому даже на маленьком участке находились все необходимые составляющие миниатюрного ландшафта, включая беседку в зарослях. В нее-то Трен меня и втолкнул.

Я вцепилась в ремень сумки, словно он был той соломинкой, что могла удержать на плаву, когда увидела по центру беседки напротив круглых скамей небольшой раскладной столик, накрытый на двоих. Со свечами, бутылкой вина и двумя наполненными бокалами. Впервые в жизни кто-то подготовил нечто подобное для меня, а я все проспала.

— Ну как, — парень выпустил руку и крепко сжал плечо, склонившись пониже, — я отлично подготовился?

— Прости.

— Прости? — он коротко рассмеялся. — Да ладно! Всего лишь «прости» за то, что разрушила тщательно продуманный план?

— План? — эхом повторила я, чувствуя себя самой несчастной на свете.

— Да, отличный план! Вот это, — он указал на один из бокалов, — твой, а в него, — мне под нос сунули какой-то бутылек, — добавлено отличное средство. Ты бы выпила пару глотков и здесь, прямо на этой скамье, с удовольствием мне отдалась.

— Что?

— А то, — он развернул меня лицом к себе и спиной к накрытому столу, — что ты пропустила жаркую ночь, возможно единственную, которая тебе свети-

ла, Зои. Я планировал соблазнить любимицу Нейтона ради поездки в пустыни.

Воздух со свистом вырвался сквозь сжавшиеся зубы. Тихий шелестящий звук, знакомый каждому, кому доводилось шипеть от боли. Я отшатнулась от парня, ударившись боком о стол. Бокалы качнулись, но устояли, звонко ударившись о бутылку.

Сжав ладонями край стола до хруста в суставах, я спросила, не глядя на Трена:

— А себе добавил?

— Нет, — он зло рассмеялся, — полагал, и так справлюсь.

Я схватила бокал, который он мне показал, и разом опрокинула вино в рот, а потом запустила им в стену, слушая звон осколков и пораженную тишину за спиной. Когда я резко обернулась, Трен перевел взгляд с разбитого бокала на мое лицо.

— Ты и правда ненормальная, — ошеломленно заявил он, — сейчас-то зачем?

— Ты хотел в пустыню, Трен? А знаешь, туда слабаков не берут!

— Кто слабак? — он стиснул зубы до побелевших скул.

— Сможешь выпить, как я, и продержаться под действием яда, тогда поговорю с Нейтоном. А пока ты — слабак!

Он молча приблизился к столу, нервным движением схватил еще целый бокал и откупорил бутылку. Ладонь слегка дрогнула, пролив тонкую струйку в вино. Парень схватился за тонкую ножку и опрокинул яд в себя, а после швырнул бокал вслед за первым. Я мед-

ленно опустилась на скамью, слушая, как затихает звон осколков на полу. Трен упал на скамью напротив, засунул руки в карманы и вытянул длинные ноги.

Действие дурманящей настойки ощутилось как жаркая волна, прошедшая по горлу. Сердце пустилось вскачь и стало трудно проталкивать сквозь легкие кислород. В животе закрутился и стянулся горячий узел, каждая клеточка стала больше, задышав жадно и ненасытно. Кожа вспыхнула, как от огня, и сразу все тело заныло, требуя прикосновений, ласк и поцелуев.

Я гулко сглотнула и прижала к груди сумку, с тревогой подняв глаза на Трена. Взгляд парня менялся, как и выражение лица, а потом он нервным жестом рванул ворот рубашки и подрагивающей пятерней провел сквозь густые черные пряди.

— Зои, — голос прозвучал хрипло и непривычно низко.

— Что? — мой остался на уровне шепота.

— Лучше беги.

Я сорвалась со скамьи, миновав ступеньки в полете, перепрыгнула на выложенную камнями дорожку и, молясь, чтобы не споткнуться, ринулась по направлению к общежитию. Позади раздался грохот, словно Трен сломал стол. Оглянувшись на бегу, я увидела, что он толкнул его ко входу, попутно обрушив всю живописную композицию романтического ужина. Стол опрокинулся, перекрыв проход, но парень уже запрыгнул на скамью и перемахнул невысокий бортик беседки. Я рванула прочь из сада на пределе сил, пока еще была способна соображать.

Глава 2

Негромкий стук привел меня в чувство. Я лежала на полу, так и не рискнув упасть в кровать в мокрой одежде. Ничто не мешало снять ее, сырую и холодную, кроме страха вновь испытать те же мучения. А в кувшине воды уже не осталось.

— Зоя, — из-за двери доносился голос Ирэн, — ты там? Меня арис Нейтон послал узнать, все ли в порядке. В лазарете он тебя не нашел. Ты сегодня пропустила все уроки.

Я с трудом оттолкнулась от пола, чувствуя дрожь в каждой мышце — даже глаз подергивался, привстала на коленях, дернула за ручку двери — и вспомнила, как выкинула в окно ключ.

— Ирэн, — голос прозвучал слабо и тихо, но девушка расслышала.

— Что? Ты заболела?

— Нет, — хотя здоровой я себя не ощущала, — я ключ потеряла. Он где-то там, в траве под окном. Теперь не могу выйти.

За дверью замолчали. Спустя пару секунд Ирэн уточнила:

— Потеряла, но знаешь, что он под окном? А когда потеряла?

— Рано утром.

— Весь день в комнате просидела? И в столовой не была?

Как-то мне было совсем не до еды.

— Подожди, я посмотрю.

Куда же я денусь, конечно, подожду.

Вздохнув, прижалась спиной к стене и прикрыла глаза. В окно подул холодный ветер, и дрожь снова охватила тело. Спустя довольно продолжительное время в замке заскрипело, и раздался щелчок. Ирэн отворила дверь и, заглянув внутрь, увидела меня на полу.

— Плоховато выглядишь, — проговорила она.

— Ты тоже, — удивилась я.

И хотя в мокрой одежде со слипшимися волосами и бескровным лицом я точно представляла собой жалкое зрелище, бледная и измученная Ирэн выглядела немногим лучше.

— Могла бы и промолчать. — Девушка зашла в комнату и огляделась. — У тебя просто каморка, даже душевой нет.

— А у тебя есть душевая? — Я с трудом поднялась на ноги.

— Думала, у всех она есть. — Ирэн обернулась. — Переоденься да ступай к Нейтону, он просил тебя на консультацию. Если ты здорова.

Я устало поплелась к шкафу, а девушка осторожно присела на стул.

— А ты сама здорова? — Я потянулась за одним из собственноручно связанных свитеров.

К моему удивлению, девушка пожалала плечами.

— Понятия не имею, — ответила она. — Даже не знаю, можно ли назвать болезнью влечение к человеку. Или не совсем к человеку. Главное, абсолютно неясно, как так случилось. И самое странное, что оно не проходит, невзирая на обстоятельства. Испытывала нечто подобное?

Стоя спиной к девушке и стягивая через голову мокрую одежду, я лишь неопределенно хмыкнула, задумавшись над тем, прошло ли мое увлечение Треном после сегодняшнего происшествия, но вдруг со вздохом констатировала, что чувствами управлять намного сложнее, чем разумом.

— А еще меня мучают угрызения совести, — добавила девушка.

— Почему тебя? Не ты же помолвку расторгла.

Пока я поспешно натягивала свитер, Ирэн резко сказала:

— Ты нас подслушивала?

— Я просто шла мимо, Ирэн, услышала голоса... извини.

Этот день внезапно оказался полон бесконечных извинений.

— С твоей стороны это было некрасиво. Так не поступают. Следовало сразу уйти. Считается, слух о помолвке распустили журналы, а после его опровергли, и мне не нравится, что ты была очевидицей моего срыва. Я себя не контролировала, не подумав о возможных свидетелях.

Она резко прервалась и поднялась со стула.

— Да зачем я тебе объясняю?

— Мне кажется, он непременно пожалеет, что расстался с идеальной будущей парой, — проговорила я искренне, а выражение лица Ирэн смягчилось.

— Я тоже виновата, — произнесла она. Подозреваю, ей все же хотелось выговориться. — Проявила личную заинтересованность, а с ними так нельзя. С ними вообще, — она замялась, подбирая слово, —

непросто. Существует масса правил и условий, их мне объясняли родители, когда обсуждалась только возможность помолвки. Но кто откажется породниться с защитниками? Сугубо деловой проект, куда не стоит вмешивать чувства. Я же с собой дважды не справилась. Вчера еще оскорбила, а сегодня написала письмо, что хочу извиниться при личной встрече. Так надеялась, что он придет.

— Я думала, ты не хотела его видеть.

— В том-то и проблема, — она вздохнула громче, — говоришь одно, желаешь другого. Видишь, совсем расклеилась, даже выболтала тебе все.

— Я никому не расскажу.

— Никто и не поверит, даже слушать не станут, — она пожала плечами, что оставило неприятный осадок. Она выговорилась мне, поскольку не нашла более подходящего объекта. — Сегодня день потерянных ключей и заклинивших дверей, — продолжила Ирэн. — У Трена тоже что-то приключилось в общежитии, парни сказали учителю, когда он спросил об отсутствующих. В общем, ты иди, Нейтон ждет.

Учитель и правда с нетерпением ожидал моего прихода и обрадовался, стоило переступить порог кабинета. Только мне эта встреча не добавляла энтузиазма, поскольку начали проявляться последствия выпитого зелья: напала слабость и стало морозить, да и голод усилился стократ.

— Зоя, у меня потрясающая новость!

Я присела возле стола, заваленного свитками, брошюрами и книгами, так или иначе упоминавшими разнообразных чудовищ и методы борьбы с ними.

— Сегодня я получу в руки уникальный дневник! Вещь раритетная, очень ценная, и, конечно, не в моих силах взять ее на долгое время, но нужно, чтобы ты посмотрела рисунки.

— А чей дневник? — я потерла ноющий лоб.

— О, — выдохнул арис Нейтон, пока я пыталась согреть ладони, — личная реликвия защитников. Лучше спроси, как я ее добыл. Невероятная удача! Вчера столкнулся нос к носу здесь, на территории гимназии, с Арриеном тен Лораном. Ты ведь знаешь, он брат энсгара Эсташа тен Лорана, который и подписал наше разрешение на поездку в пустыни?

— Нет, я не...

— Так вот, мы заговорили о чудовищах, об экспедиции, и этот приятный молодой человек упомянул в разговоре о дневнике, а когда понял, насколько ценной может оказаться для нас подобная вещь, согласился сегодня лично его принести. Это заставляет нервничать не на шутку. Мне даже страшно прикасаться к дневнику. Мы, конечно, собирали материалы повсюду, но дойти до самих защитников! Я полагал, подобный шанс представится лишь в пустынях. В общем, Зоя, ты единственная, кроме меня, кто сможет взглянуть на эту ценность.

— А он принесет ее прямо сюда? В кабинет?

— Да. И я бы, конечно, не посмел просить ни о чем подобном, но он сам предложил. Обещал вечером,

когда будет свободен, ко мне заглянуть. И я ужасно взволнован.

Арис взглянул на часы и прошелся по кабинету, а я отчетливо представила, как он бродит так уже долгое время, поскольку невероятно нервничает и очень ждет встречи. Оно и понятно, поведать подробности о чудовищах из первых уст могли именно защитники, ведь они боролись с монстрами испокон веков, начиная с первого оплота защиты — башен Царима на границе страны.

— Арис Нейтон, может, я пойду, а взгляну на дневник в другой раз?

— Зоя! Ты плохо меня слушала?

Нет. Просто плохо себя ощущала, совершенно не в состоянии вновь увидеть защитника. Ведь опять могу наброситься, сморозить очередную глупость или выкинуть чего похуже. Мало отката, так и нервы совсем на пределе.

— Не будет другого шанса взглянуть на дневник. Я не могу взять на себя ответственность хранить столь ценный артефакт в собственном кабинете. В моих планах изучать его всю ночь, а утром вернуть. Тебе же достаточно просмотреть рисунки.

— Я сегодня вообще не в состоянии, арис...

Да и перед глазами плыло.

— Зоя, ты в полном порядке, выглядишь как обычно, это все нервы. Я сам волнуюсь.

От стука в дверь мы оба синхронно вздрогнули, да еще и посмотрели друг на друга с такими выражениями, словно обоих вот-вот хватит удар: учителя от

радости, а меня от предчувствия очередного конца света.

— Добрый вечер, — оказывается, арис уже распахнул дверь и теперь обеими ладонями ухватил и тряс руку защитника. Я мгновенно отвернулась, надеясь стать максимально незаметной.

— А это Зоя! Моя уникальная помощница, — тут же представил арис.

Мне пришлось подняться и развернуться лицом к защитнику.

— Вы меня, наверное, не помните, — пролепетала и спрятала за спиной вспотевшие от волнения ладони, вместо того чтобы протянуть их галантному мужчине. Ему пришлось заменить привычное приветствие легким поклоном.

— Я вас помню, — со спокойной и непоколебимой уверенностью ответил защитник.

— Очень досадно, — сорвалось у меня с языка.

— У Зои отличная, просто феноменальная память, — тут же вмешался учитель, говоря о своем и не замечая ни моего состояния, ни легкого удивления защитника моим ответом.

Вздых сам собой сорвался с губ. Ну вот, началось.

— Зоя! — арис Нейтон вскричал с таким надрывом в голосе, что я не на шутку испугалась и думать забыла о нормах поведения. — Мои очки, где мои очки?

Только сейчас я обратила внимание, что, пока прятала от защитника руки и пятилась в дальний угол комнаты, учитель пытался вывернуть наизнанку собственный стол.

— Их здесь нет!

От подобной скорби могло бы дрогнуть любое сердце. Вновь отсрочить драгоценную минуту прикосновения к дневнику из-за такой мелочи, как очки. А ведь без них не разглядеть в деталях вожаделенные строки и иллюстрации.

— А где вы ими пользовались в последний раз? Может, на уроке?

— Подождите, — умоляюще сложил руки учитель, обратившись к защитнику, — только не уходите, не оставляйте дневник без присмотра. Я мигом!

— Арис Нейтон, давайте... — начала я — и закончила в захлопнувшуюся дверь: — схожу.

Преподаватель улетел так скоро, словно у него выросли крылья, а порыв воздуха от двери усилил озноб. Спокойный и невозмутимый защитник прошелся вокруг стола, остановился неподалеку, достал из внутреннего кармана мягкой замшевой куртки книжку в кожаной обложке и положил ее на столешницу. Затем он вдруг стянул куртку с плеч и подал мне:

— Возьмите.

Я перевела ошеломленный взгляд на его руку. Мне? Он предлагал ее мне? Я представила, как закутываюсь в теплую ткань, крепко сжимаю на груди полы куртки, так крепко, что потом никто не вытряхнет из этой чудесной вещи. И отшатнулась, словно он протягивал по меньшей мере змею.

— Не надо!

— Прошу прощения, — мужчина опустил руку, — не хотел напугать вас... курткой.

— Мне она ни к чему.

Я снова сжала руки покрепче, чтобы ни в коем случае не вцепиться в заманчивый предмет, совершенно не представляя, как девушкам положено вести себя в подобных ситуациях, а потому добавила, скрывая собственную неловкость:

- Здесь не холодно!
- Тогда почему вы дрожите?
- Я дрожу от озноба, а не от холода.
- Разве одно с другим не связано?

Удивительно, но в его голосе не было и намека на насмешку, затаенную жалость к человеку с явно ограниченными умственными способностями или досаду, когда люди находят поведение собеседника неадекватным. И он точно охарактеризовал мой жест, назвав его испугом, словно мог считывать эмоции.

— В данном случае не связаны. Просто оставьте вашу шикарную вещь на собственных плечах. Я в порядке. В полном-преполном порядке.

Он слегка наклонил голову, будто отстраненно изучая нечто интересное, а потом, абсолютно не меняя выражения лица или тона голоса, ответил:

- Нет, не в порядке.

Я растерянно замолчала. Обычно мне доводилось всех шокировать, а теперь меня саму выбили из привычной колеи. Он как-то не так реагировал, вел себя не так, но оставался исключительно вежлив. Пришлось опустить глаза и сосредоточиться на изучении кончиков его туфель, поскольку для полноты душевного смятения не хватало только нашивки в виде очертаний крыльев, что виднелась на плече его рубашки.

Напрочь проигнорировав его абсолютно верное утверждение, на которое я не нашла ответа, и рискуя вновь оскорбить воспитанного мужчину, я молча плюхнулась на стул и стянула со стола дневник, открыв его резко и совершенно без должного уважения. Учитель бы руки оторвал, увидев.

Вот сейчас изучу и пойду, и он тоже пойдет и унесет свою куртку с собой. Мало ведь идеального поведения, защитник еще и одевался с безупречным вкусом. Сам красивый, и вещи красивые и, наверное, ужасно удобные. Я громко вздохнула и перелистнула страницу. Перелистнув, вдруг осознала, что абсолютно ничего не уловила на предыдущей. Попробовала всмотреться в строчки, которые плыли перед глазами. Почему так сложно разобрать смысл? Неужели книжка написана на древнем языке?

— Если перевернуть дневник, читать станет удобнее, — прозвучал совет.

Я перевернула, и все встало на свои места, теперь непонятные значки складывались в слова, но, странное дело, то тут то там недоставало черточек. Стоило присмотреться к буквам, как часть черт начинала куда-то уплывать или перескакивать. Словно оживали. Я потерла лоб, передернула плечами, которые вновь сжало в холодных тисках, и перевернула еще одну страницу. Здесь была картинка, она изображала одно из чудовищ, но стоило попробовать уловить детали, как части рисунка опять куда-то перескочили. Я нервно захлопнула дневник.

Взгляд сам собой метнулся к красивой нашивке из золотых нитей на плече у защитника. Это схематиче-

ское изображение крыльев я разглядела и запомнила вчера, но теперь в нем тоже недоставало фрагментов.

Мужчина как раз склонился над столом, заинтересовавшись одним из рисунков, выполненных мной для ариса Нейтона. Я же поднялась и быстро протянула руку, коснувшись нашивки. На ощупь она оказалась цельной, никаких оборванных нитей или недостающих частей.

Откат! Будь он неладен! Рухнули все планы учителя. В теперешнем состоянии я ни одного изображения правильно не запомню.

Арриен тен Лоран повернул голову, проследил за моими пальцами, выведившими плавные линии на его плече, потом взглянул на меня, отчего я осознала, что ощупываю не просто нашивку, но, в общем-то, самого защитника.

— Простите, — севшим голосом пробормотала я, собираясь тут же отдернуть руку. Но вместо этого стиснула ткань в кулаке, слегка покачнувшись. Защитник даже не поморщился от щипка, но накрыл ладонью мой кулак, крепко прижав к своему плечу, чтобы не вздумала снова рвать чужую одежду, и осторожно уточнил:

— Хотите взять нашивку на память?

В шоке от самой себя я вскинула голову, успела поразиться тому, как же близко прильнула к нему, такому ужасно красивому, к какому девушки, наверное, льнут довольно часто, и попыталась отобрать руку.

— Разожмите для начала ладонь.

Разжала. Он отпустил. Точно канатоходец на представлении, покачиваясь в стороны, я отступила и

запнулась о ножку стола. Защитник рефлекторно дернулся ко мне, но, предупреждающим жестом выбросив ладонь: «Я не буду падать», — я тут же приземлилась на ловко подставленный стул. Скрип ножек по полу еще звучал в ушах, к тому же я успела заметить быстрое движение мужской ладони. Надежной и широкой. Ее тепло до сих пор ощущалось кожей.

— Вы все еще в полном-преполном порядке? — уточнил защитник.

— Всего лишь в полном — и то не до конца.

— Не лучше ли отправиться домой и отдохнуть? — спросил он, проявляя чудесное умение невозмутимо поддерживать беседу абсолютно с любым собеседником и в любом состоянии, но ответить мне не довелось. Дверь распахнулась, и в нее влетел счастливый арис Нейтон.

— Нашел!

Он лихорадочно зашарил взглядом по столу и остановился на моей руке, которая неуважительно сжимала древний дневник, заложив пальцем страницу. Какое счастье, что не уронила, пока качалась и ощущывала защитника.

— Ты уже читаешь?

Право слово, судя по выражению учительского лица, лишить ребенка желанной конфеты было более гуманно, чем прежде преподавателя раскрыть этот чудесный дневник.

— Просто взглянула на рисунки, — я быстро переложила книжку на стол.

Учитель мигом сцапал ее, придвинул к себе и, сбив на кончик носа очки, трепетно перевернул первую страницу.

— Арис, — я кашлянула, пытаюсь привлечь внимание.

— Дам тебе посмотреть, но попозже, — отмахнулся Нейтон.

— Арис, там все черточки на месте или каких-то не хватает?

— Какие черточки? — учитель так удивился, что даже оторвал глаза от дневника.

— В буквах, — почти шепотом поинтересовалась я. Мужчина взглянул вниз и пожал плечами:

— Буквы как буквы, — он прицокнул языком, досадуя, что не даю ему сосредоточиться. — Зоя, не отвлекай. Ты задерживаешь уважаемого гостя. Простите нас, — обратился он к Арриену, — достало и беглого взгляда. Разобраться в написанном не составит труда. Здесь все доступно изложено.

Молча наблюдавший за нами защитник слегка склонил голову.

— Тогда оставлю вас. — И вдруг повернулся ко мне: — Вас проводить?

Я ощутила себя точно так же, как и в момент с курткой.

— Меня? Проводить?

— Зою? — повторил не менее удивленный учитель. — Зачем провожать Зою? Она же не заблудится. Да и не пойдет никуда, она тоже хочет посмотреть дневник. Мы вместе будем изучать его до утра! — Его

глаза засверкали ярче драгоценных камней. — А иначе она просто не успеет запомнить рисунки.

— В ваших планах изучить его всю ночь?

— Конечно! Да разве можно уснуть? Я понимаю, что подобное удивляет, но вы владели этой вещью всегда!

— У меня нет намерения лишать вас удовольствия изучить его подробнее в любое удобное время.

— Я не могу оставить его без присмотра! И носить с собой тоже опасно! А если потеряю! А если украдут? Нет! Нет! Завтра же утром его верну!

Защитник перевел на меня задумчивый взгляд и, наверное, не углядел в лице того же воодушевления, каким светился мой учитель. Он снова посмотрел на Нейтона.

— Все дело в возможности потерять?

— Конечно!

Арриен тен Лоран, не размениваясь более на лишние фразы, склонился над столом и провел по раскрытой книге ладонью, после чего выпрямился.

— Теперь я заберу его, когда вы в полной мере ознакомитесь с содержанием.

— А что вы сделали? — не понял учитель и даже закрыл книгу, посмотрел на обложку, потом заглянул с обратной стороны, но ничего не увидел. Перелистнул пару страниц, и опять ничего.

— Попробуйте поднять, — проговорил Арриен.

Последующие минут пять я наблюдала, как с упорством истинного ученого арис Нейтон тщетно отдирает дневник от стола.

— Это как же? — запыхавшись, поднял он голову.

— Никто не унесет его отсюда, пока я лично не заберу.

Я с облегчением перевела дух. Все это время сидела, чувствуя себя ужасно виноватой, что физически не в состоянии справиться с возложенной задачей, а когда мой излишне шумный вздох привлек внимание учителя, поднялась, слегка опершись на стол:

— Арис, я тогда пойду, не стану вам мешать, а изучу его завтра.

— Завтра? — не поверил Нейтон.

— Да, — ответила, немного смутившись.

— Ты сможешь ждать до завтра?

— Полагаю, ваша помощница просто нуждается в отдыхе, — ответил за меня защитник, когда я промолчала, покраснев от осуждающего взгляда преподавателя, возлагавшего на будущую замену в экспедиции столь огромные надежды.

— В отдыхе? Разве с ней что-то не так? — уточнил почему-то у защитника Нейтон.

— Почему бы не спросить у нее? — Арриен с легкой улыбкой невозмутимо открестился от чести заявлять от чужого имени.

— Зоя, что с тобой не так? — потребовал ответа Нейтон.

— Просто устала, арис.

— Устала! — Он фыркнул, словно ниже пасть в его глазах после этой фразы было некуда. — Ну что же, иди тогда. Буду ждать тебя завтра после уроков. Надеюсь, завтра прогулов не будет?

— Нет.

— Хорошо.

Он великодушно махнул в сторону двери, а сам снова схватился обеими ладонями за руку защитника.

— Благодарю вас, это такая честь...

Точно зная, что последует долгая фраза, ведь в короткой попросту не вместится вся переполнявшая ариса благодарность, я быстро выскользнула за дверь.

Держась за стеночку, спустилась по ступенькам и вышла на улицу. Холод снаружи просто сбил с ног. Умом я понимала, что температура вовсе не упала ниже нуля, но никто не смог бы втолковать это моему дрожащему, страдающему от отравления телу.

— Бр-р, — я обхватила себя за плечи, — вот т-теперь не прост-то озноб.

Я попробовала ускорить шаг, чтобы хоть немного согреться, но тут тропинка начала двоиться перед глазами, и пришлось замереть, чтобы определиться, какое же из двух направлений верное. Встав посреди тропы, услышала тихий шелест шагов за спиной.

Я обернулась и увидела неторопливо идущего за мной защитника. Уже? Учитель еще минут пятнадцать должен был его благодарить.

— Так б-быстро? — вырвалось у меня.

— Не люблю долгих прощаний, — ответил мужчина и замедлил шаг.

— Меня н-не нужно провожать, — повторила я.

— Я иду к воротам, разве они не в той стороне?

Он указал направление, я проследила за рукой и наконец поняла, которая из дорог верная. Кивнула и отвернулась, ощутив себя глупее некуда, ведь замерла у него как раз поперек пути. Я поспешно продолжила

путь, а защитник пошел следом, не ускоряя и не замедляя шаг.

Тропинка перед глазами неожиданно растроилась, и я опять остановилась. Пришлось отрывать взгляд от земли и искать впереди очертания строений. Холод пробрал до самых костей. Отличная была идея отплатить Трену его же монетой. Хуже затеи выпить отраву был только поход к арису Нейтону.

В этот момент мне пришло в голову, что своими маневрами я определенно мешаю защитнику, мельтешу перед глазами и загораживаю путь. Я чуть-чуть сдвинулась в сторону, но проблема с координацией в теперешнем состоянии сыграла злую шутку, и с тихим вскриком я повалилась в кусты. Наверное, так бы в них до утра и ночевала, и большего позора уже невозможно было представить. Все воображаемые неприятности, которые я предчувствовала, едва учитель упомянул о визите защитника, произошли.

Мужчина свернул следом столь хладнокровно, словно сюда и лежал его путь. Он присел на корточки и принялся выпутывать меня из цепкого кустарника.

— Вы отлично себя чувствуете, — произнес Арриен тен Лоран, выживая меня из ломких веточек пострадавшего растения, — и предпочитаете идти по тропинке зигзагом, чтобы дольше наслаждаться прогулкой.

Я сделала вывод, что в теперешнем состоянии лучше вообще молчать, но тут же нарушила зарок, протестуяще замычав, когда он начал укутывать меня в собственную куртку.

— На ней тоже есть крылья, — мягко увещевал защитник, явно приравняв меня в исследовательских устремлениях к арису Нейтону, — можете их изучить.

— Где?

— Здесь, — мужская рука указала на выдавленные на коже линии. Но уговаривать уже не было необходимости, поскольку сопротивление угасло в зародыше, едва на плечи легла мягкая ткань. Она совершенно нереальным теплом для обычной с виду вещи окутала тело. Я судорожно ухватилась за отвороты и вцепилась в них точь-в-точь как воображала это в кабинете.

Куртка чудесная, а день ужасный — закономерное продолжение вчерашних жестоких слов Трена.

— Идемте.

Он помог мне встать и отпустил мои плечи, но остался рядом.

Мне прежде казалось, что истинные защитники — это некие идеальные божества, слишком возвышенные для проявлений земных эмоций. Они поддерживали людей, поскольку их предназначение в том и состояло — защищать, но манера обращения, которую демонстрировал Арриен тен Лоран, совершенно сбивала с толка.

— Зачем вы мне помогаете? — вероятно, стоило сформулировать четче, но он и так уловил смысл.

— Видел ваш рисунок, — словно продолжая прерванный разговор, произнес мужчина, мягко направив по правильной дороге, — идеальное изображение. Можете представить, если на нем вдруг поменять местами хвост и голову чудовища? Какие у вас возникнут ощущения?

— Премерзкие, — я поморщилась.

— Такое же чувство.

— У вас? Рядом со мной?

Я чуть не задохнулась от нового взрыва эмоций, но попросту не успела, поскольку защитник продолжил:

— Рядом с тем, кому нужна помощь.

И все. Коротко, без подробностей, но очень понятно для меня он обрисовал эту их главную особенность, предназначение — защитить любого, кто пострадал. Я крепче сжала пальцами мягкую кожу, а второй рукой украдкой погладила оттиск крыльев.

Когда впереди показалась освещенная дорожка, ведущая напрямиком к общежитию, защитник остановился.

— Благодарю за чудесную компанию, — он подхватил мою опущенную руку и, пока я ошарашенно моргала, легонько прикоснулся к ней губами, — приятного вам вечера.

Повернулся и скрылся из виду, прежде чем я сообразила ответить и тоже его поблагодарить. Я опустила изумленный взгляд на ладонь и слегка покрутила ею в воздухе, ощущая все нарастающее тепло в том месте, которого едва коснулись его губы. Сперва жар поднялся выше к локтю, плечу, горлу, стало сложнее дышать, потом тепло заполнило грудь, сменяя въедливый холод, затем и вовсе испарина проступила на висках, а ветер сдул ее. Сделав несколько быстрых вдохов, я развернулась лицом к дорожке и поняла, что вижу теперь более отчетливо, чем прежде, да и шатать стало меньше.

О том, что куртка осталась на моих плечах, я вспомнила только у самого крыльца и вновь развернулась, торопливо направившись обратно, но оказалось, что спешить не следовало. Голоса защитника и Ирэн звучали из-за ближайшего дерева, перед которым я затормозила. Похоже, мужчина столкнулся с девушкой у общежития, поскольку ему пришлось меня провожать.

— Значит, твой приход не связан с моим письмом? Но я же хотела извиниться.

— Прийти на встречу лишь ради того, чтобы вынудить девушку извиняться?

— Я повела себя неправильно...

— Ирэн, — он говорил совсем негромко, но она мгновенно замолкла, — не стоит.

Чего именно не стоит, защитник не пояснил. Но понять было просто. Не стоило рубить хвост по частям. Ирэн сама признавалась, что письмо было попыткой заставить его явиться на новую встречу. Девушка, вероятно, все же надеялась на что-то, а он это понял. Признаюсь, прежде я и не подозревала в ней подобной эмоциональности. Ирэн вновь сорвалась:

— Значит, так вы поступаете? Вы, защитники? Подобным образом проводится грань? Барьер, за который нам, простым смертным, не шагнуть в ваш мир? Вежливо, но жестко, да, Арриен?..

Она продолжила говорить, но мне наконец достало ума сообразить, что ситуация повторяется. Я вновь подслушивала их разговор, хотя вовсе этого не хотела. Нет. Нужно поскорее уходить, а куртку можно бу-

дет оставить у ариса Нейтона. Защитник унесет ее с собой, когда заберет дневник.

Я торопливо отступила и вернулась на дорожку. Оказавшись в собственной комнате, аккуратно повесила куртку на стул, стянула свитер, а после легла на кровать. Стоило умыться, но едва легла, как не осталось сил на то, чтобы подняться. Умоюсь утром, а пока...

Я заснула, не успев додумать эту мысль. А ночью впервые за очень и очень долгое время увидела старый кошмар. Мельтешение безликих фигур, крики, страх и быстрые тела чудовищ, спящих среди людей. То тут, то там резко обрывающиеся вопли. Тонкие руки, обхватившие мои плечи, и дрожащий шепот: «Девочка моя. Прости нас, милая, не смотри». А потом эти хрупкие, но укрывающие меня объятия вдруг исчезли, и резкий удар сбросил меня вниз с песчаной кручи. Я покатилась и остановилась у подножия, а там все-таки вскинула голову и посмотрела. Вот тогда первая картинка намертво отпечаталась в моем мозгу, и после проявилась феноменальная способность запоминать изображения в деталях с первого брошенного взгляда. А потом я закричала, а чудовище с окровавленной пастью бросилось вниз. Его зубы почти сомкнулись на моей шее, но в это мгновение путь монстру преградил человек. Лицо мне не довелось увидеть, только исполосованную спину, разорванную рубашку и лоскут ткани на изодранном плече, где виднелись линии причудливого рисунка, скрещивающиеся и складывающиеся в схематичное изображение крыльев. «Беги!»

Я проснулась, задыхаясь, дрожь била с такой чудовищной силой, что по кровати пришлось буквально ползти. Кое-как дотянувшись до спинки стула, я стащила куртку и закуталась в нее вместо одеяла, уткнувшись лицом в выдавленный на коже рисунок. Сердце постепенно переставало бешено колотиться, а я плотнее завернулась в мягкую теплую замшу и провалилась в новый сон уже без сновидений.

Глава 3

Первым уроком в этот день шло законоведение, и ведущая его учительница была полной противоположностью Нейтона. Для нее отсутствие на уроке приравнялось к нарушению разом всех статей принятого в Кенигхэме кодекса. Благо меня абсолютно отпустили последствия выпитого приворота, даже голова не болела и тело не ломило. Отличное было состояние, за исключением зверского голода, с которым я очень быстро расправилась в столовой.

В классе я привычно устроилась за отдельным столом и раскрыла тетрадь, собираясь, как обычно, поделывать зарисовки, когда на столешницу легли широкие ладони. Подняв глаза, вздрогнула.

— Доброго утра, Зои, — проговорил очень злой Трен. Правда, вздрогнула я не от ощущения исходившей от него ярости, а от того, каким измученным он выглядел. — Как самочувствие?

— Хорошее, — ответила чистую правду.

— А у меня паршивое. Паршивей некуда! Всю ночь не спал из-за идиотского озноба и ощущения, будто

на меня падают стены, а теперь так болит голова, что утром кусок в горло не лез. Зверски хочу есть, но, думаю, вывернет наизнанку.

До его рассказа я полагала, что мне стало лучше, поскольку тело справилось с отравой. Но сейчас вспомнился поцелуй руки, и я усомнилась в силе собственного организма. Ведь именно после прикосновения защитника состояние начало стремительно улучшаться, а ночью дрожь скорее была спровоцирована кошмаром, чем приворотным зельем.

— Значит, легче перенесла? — прищурился Трен.

Я кивнула, ведь это была правда. Но если бы парень нарушил данное слово и снял напряжение, используя приворот по назначению, то тоже ощущал бы себя гораздо лучше и не выглядел бы настолько кошмарно.

Трен еще не успел отойти от моего стола, когда сзади его хлопнули по плечу.

— Эй, Трен! — Он резко обернулся.

— Ого-го! — присвистнул одноклассник. — Паршиво выглядишь. Слышал, на свидание ходил с ней.

Он кивнул в мою сторону и захохотал.

— Да ты рисковый. Отважился пойти с нашей ненормальной. Потому сейчас живым мертвецом смотришься?

— Заткнись, Дел.

— Чего? — парень резко оборвал смех.

— Что слышал.

— Не понял. Я тебе посочувствовал. Сказал, что с ненорм...

Он не успел договорить. В следующую секунду Дел свалился на пол, зажимая ладонью расквашенный нос.

— Да ты спятил, идиот! — загнусавил Дел, пока несколько человек бросились его поднимать. — От нее заразился?

От следующего удара, пришедшегося в ухо, парень вновь не упал лишь благодаря поддержке других, но взвыл хуже раненого зверя и бросился на Трена, вырвавшись из рук одноклассников. Завязалась нешуточная драка.

Я быстро опустила глаза и принялась обводить плавно изгибающиеся линии рисунка, надавливая на грифель чуть сильнее, чем нужно. Никогда не любила драки, вид крови и жестокости.

— Это что такое! — громкий возглас вошедшей донь¹ Лиес заставил мужскую часть нашей группы броситься разнимать сцепившихся драчунов. Трена оттащили трое, а Дела удержал один — лучший друг нашей звезды.

— Вы, — голос законницы срывался от гнева, — лучше места не нашли? После урока будете наказаны! А теперь быстро навели порядок после этой свалки! И закрепите обратно доску.

Трен махнул приятелям, и те мигом кинулись выравнивать столы, поднимать упавшие вещи, а сам герой побоища вновь облокотился о мою столешницу. Поскольку глаза на него я не подняла, он накрыл рукой лист тетради.

— Ты это всерьез? Рисуешь, пока начищаю за тебя морду дурному остолопу? Даже не смотрела!

¹ Д о н а — учительница, уважительное обращение к преподавательнице.

— Зачем смотреть? — Я встретила недовольный взгляд Трена.

За меня прежде никто не дрался из-за нанесенного оскорбления. И именно это смущало больше всего. Я снова попыталась опустить голову, но Трен схватил меня за подбородок.

— Он тебя обозвал, я набил ему морду, но тебе все равно? — возмущенно прошипел парень.

Никому и никогда не было дела до ругани в мою сторону, я и сама привыкла пропускать ее мимо ушей. Что тут скажешь?

На мгновение я задумалась и тут же пожала плечами:

— Я ведь не просила. Решила, ты хочешь выпустить пар.

— Ты это серьезно? Не просила? Да? — Стоило видеть, как изменилось и перекосилось его лицо. — Ладно!

Он резко сдернул со стола руку, попутно зацепив и уронив на пол тетрадь. Мне пришлось подниматься и подбирать ее, пока Трен широким шагом направился в другой конец класса, где шумно уселся за стол.

Победитель в схватке, он демонстративно устроился на месте, где предпочитал сидеть Дел. Тот бросил в ответ злобный взгляд, отер с лица кровь и занял другой стол в противоположном конце, согнав из-за него девчонок. Учительница хлопнула в ладоши, привлекая внимание, и начала с опроса, кто присутствует на уроке.

* * *

Трен посмотрел туда, где Зои, вновь открыв обшарпанную тетрадь, что-то рассеянно набрасывала на одном из уже испещренных множеством линий листочков.

Что за странная девчонка? Другая бы пищала от радости, а эта даже не смотрела за дракой, начавшейся из-за нее. Что вообще с ней делать?

— Трен, ты просто настоящий защитник, — зашептали за спиной. Парень слегка повернул голову. — Было б из-за кого!

— Ревнуешь, Олли?

Девушка громко фыркнула, словно подобный ответ ее позабавил. На самом деле, конечно, ревновала. Уже полгода, если не больше, она отчаянно строила ему глазки, а как-то на одной вечеринке они неплохо провели время, уединившись вдвоем. Но с тех пор парень не выказывал желания продолжить знакомство, а девчонка явно злилась и продолжала попытки снова привлечь внимание.

— Глупо ревновать к девице, что уединяется по кустам с какими-то мужиками.

Трен слегка напрягся.

— Вчера собственными глазами наблюдала, как твоя очаровашка выбирается из зарослей на тропинку в сопровождении мужчины.

— Кого? — сквозь зубы спросил Трен.

— Не разглядела.

— Раз не разглядела, то и помолчи. Ты им свечку не держала, так и не распускай слухи.

— А иначе что? Ударишь меня, как Дела?

— Отхожу по мягкому месту, чтобы сидеть не могла.

Она снова громко фыркнула, сопроводив этот звук кокетливым взглядом из-под ресниц, словно была совсем не против обещанной порки. А парень положил подбородок на кулаки и снова посмотрел на Зою, которая в этот миг вскинула голову и поднялась, вызванная учительницей отвечать.

Она прошла к доске и взялась за меловой грифель, вскинув повыше тонкую руку. Мешковатый вязаный свитер висел на покатых узких плечах, сползши с одного и слегка оголив очень белую, почти мраморную кожу. Широкая цветастая юбка открывала только стройные икры. А волосы, как обычно, лежали на плечах светлыми «рассеянными», как она сама, прядями. Однако во всей ее позе не ощущалось ни напряжения, ни усталости, да и девушка призналась, что чувствовала себя хорошо.

Ладно. Он лично выяснит у нее после уроков, кто это такой отзывчивый взялся ей вчера помогать.

Я собралась отправиться к айрису Нейтону сразу, не заходя по пути в общежитие. Учитель наверняка с нетерпением ждал, чтобы я поскорее занялась переносом рисунков на отдельные листы, которые затем послужат прообразом иллюстраций для нашей энциклопедии. Однако мне не довелось уйти дальше коридора, окончившегося тупиком у окна. Именно сюда затащил меня Трен, незаметно отправившийся следом, едва прозвучал звонок к концу занятий.